

Научная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-14-31>

Достоинство личности как конституционная ценность: концепция, практика, техника

Баранов Владимир Михайлович¹, Ромашов Роман Анатольевич^{2, 3}

¹Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, baranov_prof@bk.ru, orcid.org/0000-0003-2689-739X

²Мурманский арктический университет, Мурманск, Россия

³Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов, Санкт-Петербург, Россия, romashov_tgp@mail.ru

Аннотация. Категория «достоинство личности» рассматривается в контексте циклического политогенеза российской государственно-правовой системы. На основании сравнительного анализа понятий «человек», «гражданин», «личность» в русском языке и отечественной политико-правовой традиции выдвигается гипотеза смысловой трансформации названных категорий в условиях культурно-исторической дискретности. Отмечается, что в действующей Конституции Российской Федерации представлены как нормативистский, так и естественно-правовой типы правопонимания, что позволяет говорить о двойственной природе достоинства личности, включающего как естественную (личное самоуважение), так и позитивистскую (уважительное отношение к человеческой личности со стороны государства) составляющие.

Проводится сопоставление декларируемой на конституционном уровне «высшей ценности» человека, его прав и свобод, безотносительно индивидуального социально-правового статуса и реально складывающейся ситуации, предполагающей отношение как к самому индивиду, так и к его личному достоинству, с учетом занимаемого в социальной структуре общества и соответствующим образом оцениваемого государством места.

Формулируются предложения и рекомендации, касающиеся закрепления системы конституционных гарантий реализации и защиты права личного достоинства, а также юридической техники его разумного ограничения.

Ключевые слова: человек, гражданин, достоинство личности, национальное достоинство, суверенитет личности, конституционные ценности, юридическая терминология, государственно-правовая система, циклический политогенез

Для цитирования: Баранов В. М., Ромашов Р. А. Достоинство личности как конституционная ценность: концепция, практика, техника // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 1 (65). С. 14–31. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-14-31>.

© Баранов В. М., Ромашов Р. А., 2024

Original article

Personal dignity as a constitutional value: concept, practice, technique

Vladimir M. Baranov¹, Roman A. Romashov^{2, 3}

¹Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, baranov_prof@bk.ru, orcid.org/0000-0003-2689-739X

²Murmansk Arctic University, Murmansk, Russian Federation

³St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, St. Petersburg, Russian Federation, romashov_tgp@mail.ru

Abstract. The construction of the dignity of the individual is considered in the context of the cyclical politogenesis of the Russian state-legal system. Based on a comparative analysis of the concepts of “man”, “citizen”, “personality” in the Russian language and the domestic political and legal tradition, a hypothesis of the semantic transformation of these categories in the context of cultural and historical discreteness is put forward. It is noted that the current Constitution of the Russian Federation presents both normative and natural-legal types of legal understanding, which allows us to talk about the dual nature of personal dignity, including both natural (personal self-respect) and positive (respect for the human personality on the part of the state) components.

A comparison is made of the “highest value” of a person declared at the constitutional level, his rights and freedoms, regardless of the individual socio-legal status and the actual situation that presupposes an attitude both to the individual himself and to his personal dignity, taking into account the place occupied in the social structure of society and appropriately assessed by the state (state rights).

Proposals and recommendations are formulated concerning the consolidation of the system of constitutional guarantees for the realization and protection of the right of personal dignity, as well as the legal technique of its limitation.

Keywords: human being, citizen, dignity of the individual, national dignity, sovereignty of the individual, constitutional values, legal terminology, state legal system, cyclical politogenesis

For citation: Baranov V. M., Romashov R. A. Personal dignity as a constitutional value: concept, practice, technique. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 1 (65), pp. 14–31. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-14-31>.

«Чувство собственного достоинства — вот загадочный инструмент: создается он столетиями, а утрачивается в момент. Чувство собственного достоинства — вот таинственная стезя, на которой разбиться запросто, но с которой свернуть нельзя».

(Булат Окуджава. *Ваше благородие, госпожа удача. Альбом для друзей. Москва: Эксмо, 2004. С. 319*)

Авторам уже приходилось выдвигать некоторые соображения относительно категории «достоинство» [1–4]. В настоящей статье предпринята попытка без дублирования материала конкретизировать ранее опубликованные идеи применительно к правовой природе феномена «достоинство личности».

Одной из особенностей современной российской правовой системы является использование русского юридического языка, в котором сочетаются иностранные заимствования, компиляции из других областей научного познания, придуманные авторские конструкции. При этом нередко «творцы русского новояза» с гордостью заявляют о том, что ими внедрено в словарный оборот то или иное понятие, что, безусловно, способствует «обогащению» отечественной

юридической терминологии. Процесс языковой модернизации одновременно сочетается с использованием терминов-архаизмов, утративших в настоящее время свое первоначальное значение, однако в силу своей привычности, традиционности продолжающих «присутствовать» в юридических текстах.

По нашему мнению, языковые формы юридической коммуникации нуждаются в осмыслении в неменьшей степени, чем основанные на языке средства и технологии правового регулирования. В рамках представленной статьи предпринята попытка комплексно проанализировать лингвистическое значение и правовую сущность категории «достоинство личности» с последующим определением его места в системе современных российских конституционных

ценностей, а также изучить особенности юрико-технических средств обеспечения права на личное достоинство в современной России. В преамбуле Устава ООН особо подчеркнута необходимость «вновь утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности» [5, с. 126]. Этот торжественный призыв вполне можно было бы разместить в качестве второго эпиграфа к нашей статье.

Верно отмечает И. А. Кравец: «российский конституционализм в поисках своей идентичности создает важное *гуманитарное и экзистенциальное основание* через *доктрину и практику защиты и охраны достоинства личности*» [6, с. 28; 7]. По убеждению В. Н. Корнева, «достоинство личности» — это базовая не только этическая, но прежде всего именно правовая ценность, которая занимает в иерархии ценностей ведущее, определяющее место, поскольку достоинство личности лежит в основе иных правовых ценностей» [8, с. 11; 9; 10].

Далее на с. 14 автор констатирует: «Достоинство личности как фундаментальную ценность следует рассматривать также в качестве неотъемлемого основополагающего права, т. е. составляющего важнейшую предпосылку для обладания другими основными конституционными правами и свободами человека и гражданина. С другой стороны, можно сказать, что целью основных конституционных прав и свобод являются реальное обеспечение и гарантированность достоинства личности».

Понимание человека, гражданина, личности в русском юридическом языке и отечественной конституционной традиции

В словаре В. И. Даля понятие «человек» толкуется двояко. С одной стороны, это «каждый из людей, высшее из земных созданий, одаренное разумом, свободной волей и словесной речью», с другой — «прислуга, официант, лакей». Столь же двойственно В. И. Далем понимается народ, представляющий одновременно «люди, народившийся на известном пространстве, жителей страны, говорящих одним языком» и «чернь, простолюдые, низшие, податные сословия».

В пьесе А. М. Горького «На дне» [11] устами спившегося интеллигента Сатина дается следующее определение: «Человек — свободен... он за все платит сам... и потому он — свободен! ...Человек — вот правда! Что такое человек? ...Это не ты, не я, не они... нет! — Это ты, я, он, старик, Наполеон, Магомед... в одном! Это огромно! В этом — все начала и концы... Все

в человеке, все для человека! Существует только человек, все же остальное — дело его рук и его мозга! Чело-век! ...Это звучит гордо! Надо уважать человека! Не жалеть... не унижать... его жалостью... уважать надо! ...Хорошо это... чувствовать себя человеком! ...Человек — выше сытости!». Напомним, что пьеса написана в России эпохи В. И. Даля, где прикладное значение понятия «человек» предполагало его первичную ассоциацию с трактирным слугой — половым: «Человек, рюмку водки!». А. М. Горький пытается «возвысить» человека вплоть до уровня императора (Наполеона) и пророка Магомеда, тем самым демонстрируя свою приверженность, обращаясь к современному языку, к «ультралиберальным» ценностям, в наибольшей степени характерным для этики протестантизма. Кстати, в процитированном отрывке можно обнаружить явные отголоски трудовой теории собственности: «Существует только человек, все же остальное — дело его рук и его мозга!», а также обусловленной частной собственностью личной свободы: «Человек за все платит сам, и потому он — свободен!». И еще один важный момент — воспетое Горьким человеческое достоинство, возвышаемое над индивидуальным меркантилизмом: «Надо уважать человека! ...Не жалеть! ...Уважать надо! ...Человек — выше сытости!». Для самого Горького и его героев, в совокупности составляющих люд, прозябающий «на дне», человек — это некий идеал, одновременно прекрасный и недостижимый. Отсюда и несбыточное желание жить «по человечески»: «Человек рождается для лучшего!».

Великая Октябрьская Социалистическая Революция 1917 года, разрушив жизненный уклад, в котором люди делились на «хозяев, господ — благородные сословия» и «человеческую чернь — «простой» народ», создала новый порядок, первоначально поделивший «совдеповское» народонаселение на «трудящийся и эксплуатируемый народ» и «эксплуататоров». Последним, по Конституции РСФСР 1918 года, «не могло быть места ни в одном из органов советской власти» (ст. 7). «Почетное право защищать революцию с оружием в руках предоставляется только трудящимся; на нетрудовые же элементы возлагается отправление иных воинских обязанностей».

В советском государстве словесные формы обращения «господин-человек, сударь-сударыня» ушли из общеупотребимого лексикона и заменились двойственной конструкцией гражданин-товарищ. Причем обращение «товарищ» было призвано показать некую общность

интересов советских людей, выходящих за рамки сугубо официальных коммуникаций, в то время как посредством слова «гражданин» демонстрировалось либо отстраненное («граждане пассажиры»), либо негативное («граждане бандиты») отношение со стороны представителей государственной власти к людям, социальная значимость которых определялась прежде всего государственной полезностью/вредностью.

Если говорить о советской юридической терминологии, то она оперировала исключительно понятием гражданин, при помощи которого осуществлялось как наименование индивидуальных субъектов прав и обязанностей (глава X Конституции СССР 1936 года «Основные права и обязанности граждан»), так и субъектов юридической (административной, гражданской, уголовной) ответственности (ст. 2 УК РСФСР 1936 года — «Действие настоящего Кодекса распространяется на всех граждан РСФСР»)¹.

«Правильный» советский гражданин — это законопослушный трудящийся, представитель «нерушимого блока коммунистов и беспартийных». Следует особо подчеркнуть, что само понятие «трудящийся» для советской юридической терминологии не просто «фигура речи», а конструкция, наполненная конкретным практическим содержанием. Конституция РСФСР 1925 года определяет, что правом избирать и быть избранными в советские представительные органы обладают только трудящиеся, к числу которых относятся:

«— все, добывающие средства к жизни производительным и общественно-полезным трудом, а также лица, занятые домашним хозяйством, обеспечивающим для первых возможность производительного труда;

— красноармейцы и краснофлотцы;

— граждане, входящие в ранее перечисленные категории, потерявшие трудоспособность» (ст. 68).

В этой же Конституции содержалось положение, в соответствии с которым определялась социальная группа так называемых «лишенцев»: «Руководствуясь интересами трудящихся, РСФСР лишает отдельных лиц и отдельные группы прав, которыми они пользуются в ущерб

¹ Слово «человек» в официальной советской юридической терминологии не использовалось в принципе, что касается термина «личность», то он применялся в качестве элемента словосочетания «личность гражданина». В частности, в статье 127 Конституции СССР 1936 года закрепляется положение: «Гражданам СССР обеспечивается неприкосновенность личности».

интересам социалистической революции» (ст. 14). Конкретизирует процитированную дискриминационную норму статьи 69, гласящую: «Не избирают и не могут быть избранными:

— лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли;

— лица, живущие на нетрудовой доход, как то: проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т. п.;

— частные торговцы, торговые и коммерческие посредники²;

— монахи и духовные служители религиозных культов;

— служащие и агенты бывшей полиции, отдельного корпуса жандармов и охранных отделений, члены царствовавшего в России дома...».

В последующих советских конституциях столь явной дискриминации не прослеживается. Начиная с Конституции 1936 года не осуществлялась дифференциация советских граждан на трудящихся и «лишенцев», хотя в реальности меры дискриминационного характера, в том числе уничтожающие личное достоинство, широко применялись к лицам с особым социально-правовым статусом. К числу таких лиц относились «враги народа»³, члены их семей, тунеядцы⁴, а также представители ряда национальностей (еврейской, чеченской, крымскотатарской и др.).

В современный русский словооборот вернулись «господа», «судары» и «сударыни». Но не были исключены и советские термины «граждане» и «товарищи», использование которых в настоящее время никак не регламентировано, за исключением правил воинского служебного этикета, в соответствии с которым при личном

² Напомним, что 1925 год — это период НЭПа, когда частное предпринимательство было официально узаконено и носило вполне официальный, а значит правомерный характер.

³ К «врагам народа» относились лица, признанные виновными в совершении «контрреволюционных преступлений» (ст. 58 УК РСФСР 1922 года), а также «покушающиеся на общественную, социалистическую собственность» (ст. 131 Конституции СССР 1936 года)

⁴ Уголовная ответственность за тунеядство (отсутствие у лица официального трудоустройства) была отменена только в 1991 году, когда был принят Закон «О занятости населения в Российской Федерации», в котором закреплялось положение: «Незанятость граждан не может служить основанием для их привлечения к административной и иной ответственности» (ст. 1). Кстати, этим же Законом в России была легализована безработица, считавшаяся в СССР одной из «язв гниющего империализма».

обращении военнослужащие называются по званию, с добавлением перед ним слова «товарищ». Также был осуществлен «смысловой ребрендинг», в результате которого «трудящиеся» сменились «занятыми». К числу последних в современной России относятся в том числе лица, использующие наемный труд (в советской терминологии — эксплуататоры), а также самозанятые (в советской терминологии — «надомники», как правило, незаконные). Произошли изменения и в сфере наименования депутатского корпуса, где депутатов «трудящихся» сменили «народные» депутаты. Казалось бы, на столь «тонкие» различия не стоит обращать доктринального внимания: просто одно слово заменено на сходное по смыслу. Но в реальности социально-политические и культурно-воспитательные изменения весьма существенны. Так, если в социальной структуре Верховного Совета СССР (1974–1979) более 50 % от состава занимали представители рабочего класса и колхозного крестьянства [12], то в настоящее время в обеих палатах Федерального Собрания Российской Федерации представители этих социальных групп отсутствуют вообще, а на смену классовой структуре советского общества пришло абстрактное понятие «единый многонациональный народ Российской Федерации», в рамках которого отсутствует официальное видение структурной композиции современного российского общества.

Конституция Российской Федерации 1993 года впервые (в отечественной конституционной истории) использовала слово «человек», придав ему (равно как правам и свободам, обладателем которых человек является) значимость высшей конституционной ценности (ст. 2). Следует отметить, что в тексте действующей Конституции не используется слово «трудящийся» (ранее употреблявшееся для характеристики «положительных» советских граждан), однако включено путем внесения поправки в конституционный текст понятие «человек труда» без какого бы то ни было объяснения его смысловой нагрузки, что позволяет относить к этой категории любого «занятого» гражданина.

Понятия «человек» и «гражданин» в большинстве случаев используются в Конституции как парные категории. А в упомянутой статье 2 в качестве высшей ценности определяются только «человек, его права и свободы», в то время как государство обязано признавать, соблюдать и защищать права и свободы не только человека, но и гражданина. Полагаем, что использование для наименования индивидуальных субъектов конституционного права

понятий «человек» и «гражданин» имеет своей основной целью осуществление разграничения естественного (права и свободы человека) и позитивного (права и свободы гражданина) права. Подтверждением этого тезиса является часть 2 статьи 17, в соответствии с которой: «Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения».

Дифференциация прав человека и прав гражданина в прикладном аспекте наиболее четко прослеживается применительно к праву гражданства. Конституция Российской Федерации (ст. 6) и Закон о гражданстве Российской Федерации (ст. 5) содержат одинаковые положения: «Гражданин Российской Федерации не может быть лишен гражданства Российской Федерации» безотносительно основания и способа получения гражданства. Вместе с тем вышеупомянутый Закон предусматривает прекращение гражданства Российской Федерации (по сути своей аналогичное лишению гражданства) в отношении лиц, совершивших преступление (приготовление или покушение на преступление), а также осуществивших действия, создающие угрозу национальной безопасности Российской Федерации. Законодатель рассматривает названные противоправные деяния в качестве умышленных форм, выразившихся в «сообщении заведомо ложных сведений в отношении обязательства соблюдать Конституцию Российской Федерации и законодательство Российской Федерации» (п. 2 ч. 1 ст. 22), заранее сформировавшихся у лица, претендующего на получение гражданства Российской Федерации «независимо от времени совершения соответствующего преступления, даты вынесения приговора суда об осуждении лица за совершение соответствующего преступления и даты принятия решения о приеме в гражданство Российской Федерации» (ч. 2 ст. 24).

Вышеизложенное свидетельствует, что современный русский юридический язык в своем прикладном понимании продолжает преимущественно задействовать термин «гражданин», используемый в качестве наименования любого индивидуального субъекта права, независимо от того, является он гражданином Российской Федерации, иностранным гражданином либо лицом без гражданства.

Еще одной терминологической конституционной новацией явилось конституционное закрепление понятия «личность»: «Достоинство личности охраняется государством» (ст. 21) и производных от нее личных прав: права на личную неприкосновенность (ст. 22) и личную тайну

(ст. 23). Напомним, что в советских конституциях (как федеральных, так и республиканских), слова «человек» и «личность» в качестве индивидуальных идентификаторов не употреблялись, что означало, с одной стороны, сугубо утилитарное восприятие индивида со стороны государства («Сегодня не личное главное, а сводки рабочего дня...») [13]. С другой стороны, здесь проявилось доминирование позитивистского подхода к правопониманию, в соответствии с которым правом в целом и субъективными (индивидуальными) правами в частности являлись исключительно государственные предписания, среди которых главенствующее место занимали нормативные правовые акты, облеченные в документальную форму и обеспечиваемые легальным принуждением. При этом государство, наделяя гражданина правами, оставляло за собой прерогативу их изъятия, в том числе в полном объеме, путем лишения гражданства и принудительной высылки из страны тех, кто противопоставил свою позицию с «государственно-партийной линией» [14].

Как уже отмечалось, конституционное закрепление понятия «человек» в условиях современного российского конституционализма имеет своей целью юридическое закрепление естественной (не зависящей от государственного санкционирования) природы прав, неотъемлемых от человеческой личности. Тот факт, что авторы Конституции посчитали необходимым акцентировать внимание на личностном характере права на достоинство, позволяет рассматривать его в качестве одной из наиболее значимых конституционных ценностей. Единственное «но». Логика выстраивания любых текстов, в том числе и конституционных, предполагает, что при характеристике одного и того же явления желательно использовать одни и те же понятия, поскольку особенностью русского языка является его полисемичность, а это, в свою очередь, обуславливает возможную «коллизии смыслов» в случаях, когда имеет место терминологическое различие. Понятия в зависимости от контекстов меняют свои смысловые нагрузки. В части 1 статьи 21 используется конструкция «достоинство личности», в то же время в части 2 фиксируется «человеческое достоинство», а внесенная в качестве поправки статья 75.1 вводит категорию «достоинства граждан». Получается, что для авторов Конституции понятия «человек», «личность», «гражданин» являются синонимами, а это применительно к феномену «достоинство» не совсем так. Полагаем, что носителем права на достоинство может выступать не просто человек как некая

универсальная индивидуальность, а именно личность как «человек общественный» — индивидуальный субъект, наделенный рядом особых социально значимых качеств, являющихся своего рода личностными идентификационными критериями. Не является сформировавшейся личностью ребенок. При определенных обстоятельствах человек может утратить личностную самоидентификацию (к примеру, в случаях искусственного поддержания жизнедеятельности организма). Получается, что любой человек обладает личностными характеристиками, но личностью является не каждый.

Достоинство: от стоимости индивида к уважению личности

Понятие «достоинство» в традиционном русском языке В. И. Даля представляло оценочный критерий, используемый для определения стоимости (монета достоинством один рубль), качества (достойный товар), человеческой порядочности (достойный человек).

В современных условиях достоинство ассоциируется в первую очередь с личным уважением, включающим как самоуважение (чувство собственного достоинства), так и уважительное отношение со стороны окружающих (этот достойный человек пользуется заслуженным уважением в трудовом коллективе). Кроме того, производный от достоинства оценочный критерий «достойный» используется для обозначения качественной характеристики социальных явлений и факторов (достойный уровень жизни, достойная зарплата, достойный жених/враг/сын и т. п.).

В большинстве современных конституций понятие «достоинство», а также производные от него — «достойная жизнь»; «достойный уровень жизни» и другие — получили формальное закрепление и, как правило, используются в двух смысловых контекстах: общегуманитарном, предполагающем противопоставление достоинства и действия, связанных с его уничтожением (прежде всего использованием пыток и иных мер принудительного воздействия, осуществляемых в целях оскорбления и издевательства над личностью) и социально-обеспечительном, выраженном в создании благоприятных условий для жизнедеятельности представителей социально незащищенных групп населения (обеспечение условий для достойной жизни лицам, попавшим в трудную жизненную ситуацию [15]). Как это ни парадоксально, и первый, и второй контексты, собственно, к достоинству личности имеют опосредованное и, пожалуй, отдаленное отношение. Принятые в одностороннем

порядке государственные обязательства не пытаться и не унижать (в условиях мирного стабильного политико-правового состояния) «своих» граждан, равно как и гарантировать выживание представителей социально незащищенных групп, в ситуациях, когда они не способны сделать это самостоятельно, безусловно, имеют важное значение для демократизации государственно-правовой системы. Но, на наш взгляд, собственно достоинство личности не сводится к вышеназванным факторам.

Применительно к российской государственно-правовой системе феномен личного достоинства следует рассматривать с учетом циклического характера политогенеза, в рамках которого выделяются три дискретных исторических цикла: монархический, советский, постсоветский. Каждый из названных циклов характеризуется особым, отличным от других, пониманием социально-правового статуса личности, что, в свою очередь, влияет на восприятие личного достоинства.

Население Российской империи было структурировано по сословному принципу. Сословная стратификация российского общества, представленная «иерархией сословий», получает легальное (узаконенное) оформление в эпоху правления Петра I. В этот период формируется социальная «вертикаль», во главе которой находится «царствующий дом» — династия Романовых, далее располагались светская (дворянство) и церковная (духовенство) аристократия, за ними находились горожане (мещане), из низших разрядов служилых людей и государственных крестьян сформировалось сословие казенных крестьян, из частновладельческих крестьян — крепостное сословие [16; 17]. Индивидуальный статус представителя сословия, определяющий его личное достоинство, назывался «правом состояния» и включал в себя не только специальную сословную правосубъектность, но и «доброе имя», по сути своей являвшееся аналогом современного понимания чести, достоинства и деловой репутации. С учетом того, что сословная организация российского общества непосредственным образом определялась государством, последнее выступало в качестве главенствующего субъекта, от воли которого в конечном счете зависело как наделение индивида статусным достоинством («добрым именем»), так и лишение такового. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года предусматривало в качестве наказания лишение прав состояния, что предполагало «потерю доброго имени и прав, каждому из сих

состояний в особенности присвоенных» (ст. 24) [18]. Узаконенная сословная сегрегация достоинств имела следствием деление российских подданных на законно- и незаконнорожденных. К последним относились лица, рожденные вне «законного» брака, лишённые не только обусловленного сословной принадлежностью личного достоинства, но и связанных с ним гражданских прав, в первую очередь наследования по закону. Так, к примеру, известный советский поэт Корней Чуковский писал в своем дневнике: «Я, как незаконнорожденный, не имеющий даже национальности (Кто я? Еврей? Русский? Украинец?) — был самым нецельным, непростым человеком на земле... Мне казалось, что я единственный — незаконный... и что, когда я показываю кому-нибудь свои документы, все внутренне начинают плевать на меня» [19].

Революция 1917 года, провозгласив отмену сословного неравенства, вместе с тем не уничтожила сам принцип социальной сегрегации, что, в свою очередь, предопределило дифференциацию достоинств советских граждан. На смену сословиям пришли классы. В рамках классового подхода государство как теоретическая конструкция было представлено двумя моделями: эксплуататорской и общенародной. Применительно к первой модели государство — аппарат порабощения классом эксплуататоров класса эксплуатируемых (рабовладельческое, феодальное, буржуазное). Во второй модели государство — это коллективный орган народовластия, обеспечивающий сближение двух основных классов трудящихся (рабочего класса и колхозного крестьянства), с последующим формированием единой общности — советского народа. «Достоинство советского человека» — категория не столько морально-этическая, сколько идеологическая. С одной стороны, оно противопоставляется аналогу западной буржуазной культуры: «У советских собственная гордость, на буржуев смотрим свысока» [20, с. 314–316]. С другой — эта категория подается как некое статусное превосходство по отношению ко всему мировому человечеству: «Читайте, завидуйте, я — гражданин Советского Союза» [21, с. 305–308]. Вместе с тем внутри самого советского общества отсутствовало и единство, и равенство, как следствие, складывалась «иерархия достоинств», пусть и не формально-легальная (как в Российской империи), но от того не менее реальная. Основным критерием личного достоинства объявлялось служение советскому государству, воплощенному в триединстве советского народа, Советской Родины и Советского правительства

(«Я клянусь... до последнего дыхания быть преданным своему народу, своей Советской Родине и Советскому Правительству») [22]. Особенностью достоинства советского человека являлось ярко выраженное доминирование коллективизма над индивидуализмом (эгоизмом). Достойное поведение предполагало безусловный приоритет общественных интересов по отношению к личным («Раньше думай о Родине, а потом о себе» [23], «Жила бы страна родная, и нет других забот» [24], «Ничего не нашёл, не скопил, только верой и правдой служил. Но богаче меня нет на свете с тех пор как на землю родную ступил...» [25]). Не допускалось противопоставление «себя» «всем». «Единица вздор, единица ноль... Голос единицы тоньше писка», «Кто там шагает правой?левой!левой!левой!» [21, с. 59–60].

Демонтаж социалистической государственной-правовой системы, ставший основной причиной распада СССР, являлся, по своей сути, социальной деформацией, обусловившей качественную трансформацию не только формы российского государства, но и системы духовно-нравственных ценностей и целевых ориентиров общественного развития, что, в свою очередь, в немалой степени повлияло на переосмысление сущности и содержания феномена достоинства личности. На смену достоинству «трудящегося товарища», противопоставляемого недостойным уважения «лодырям, туеядцам, бездельникам» пришел объявленный высшей конституционной ценностью «универсальный человек», признавать, соблюдать и защищать права и свободы которого государство обязывалось безотносительно социального статуса индивида и нравственно-правовой оценки его поведения.

Таким образом, в формальном плане в современной России на смену иерархической дифференциации достоинств пришло универсальное человеческое равенство, в рамках которого условием выстраивания оси цивилизационного вращения «достоинство человеческой личности — национальный (государственный) правопорядок», является недопущение «обесчеловеченья» ЧЕЛОВЕКА как высшей конституционной ценности государства-нации [2].

Здесь уместно поставить проблему о реальном существовании и функционировании феномена «национальное достоинство» (это далеко выходит за рамки нашей статьи, хотя в русле современной отечественной этнопедагогики данный феномен используется достаточно активно, однако в связи не с многонациональным российским народом — нацией, а в большей

степени, в локальном националистическом аспекте) [26] и его соотношения и взаимодействия с категорией «достоинство личности».

Говоря о соотношении понятий, *нация* (народ — коллективный носитель государственного суверенитета) и *национальность* (этническая группа в составе нации), следует отметить, что в современной России, в отличие от советского и имперского периодов российской государственности, отсутствует легальное (официальное) структурирование социальной организации народонаселения. На официальном уровне используются конструкции «многонациональный народ» (ст. 3 Конституции Российской Федерации), «многонациональный союз равноправных народов» (ст. 68 Конституции Российской Федерации), «русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность русского мира» (ст. 4 Концепции внешней политики Российской Федерации). Вместе с тем наряду с народом-нацией федеральная Конституция использует конструкцию «коренные малочисленные народы» (ст. 69). Региональные конституции (уставы) наряду с «народом» (Конституция Республики Татарстан, Устав Свердловской области), оперируют понятиями «население» (Устав Санкт-Петербурга), «жители» (Устав Москвы).

В первом приближении наша постановочная позиция относительно обозначенной проблемы сводится к следующему. Категория национального достоинства, если рассматривать ее не применительно к отдельной национальной группе¹, а в плане чувства личной сопричастности с «государством-нацией», является, безусловно, важной, однако всего лишь одной из составляющих системного восприятия достоинства личности, в структуре которого национальная принадлежность не только не является доминирующей, но и зачастую отходит «на

¹ В большинстве конституций национальных республик отмечается, что они выражают волю образующих их народов («Настоящая Конституция, выражая волю многонационального народа Республики Татарстан и татарского народа...»). Преамбула Конституции Республики Татарстан 1992 года, при этом не содержит оговорок о том, что «национальные народы» являются неотъемлемой частью «единого многонационального народа Российской Федерации» (Преамбула, ст. 3 Конституции Российской Федерации 1993 года). Подобные оговорки имели место во всех конституциях советских и автономных республик Союза ССР, принятых в 1978 году, после того, как в общесоюзной Конституции 1977 года получила законодательное закрепление социально-юридическая конструкция «советский народ».

второй план», по сравнению с профессиональной компетентностью, индивидуальной успешностью, социальной коммуникабельностью, оптимистичным мировосприятием («субъективным счастьем») и другими индивидуальными качествами, влияющими как на личное самоуважение, так и на уважительное отношение к человеку со стороны окружающих.

Кстати, в системе оценочных составляющих личного достоинства немаловажное значение продолжает иметь фактор гендерной принадлежности. Опубликованы любопытные результаты интернет-опроса: для женской аудитории первое место в перечне факторов индивидуальной привлекательности заняла личность мужчины (а не его деньги, внешность, занимаемая должность, темперамент), что касается мужчин, то для них личность женщины оказалась на втором месте, предсказуемо уступив первенство внешности [27] (при этом ни национальная, ни конфессиональная принадлежность для участвующих в опросе респондентов существенного значения не имели). Полагаем, что приведенные социологические данные имеют непосредственное отношение к теме статьи, поскольку позволяют рассматривать категорию личного достоинства в качестве комплексного явления, в структуре и содержании которого тесно переплетаются различные аспекты восприятия и оценочные факторы как формального (атрибутивного), так и субстанционального (как сознательного, так и бессознательного) характера. И в обыденном правосознании личность котируется в ценностной иерархии предельно высоко: это своего рода аксиологический «потолок».

Место личного достоинства в системе конституционных ценностей

В формально-юридическом плане ценностью применительно к российскому общественному сознанию является то, что объявлено в качестве таковой государством, а точнее выступающими от его имени представителями правящего класса — политической и экономической элиты [28].

В Российской империи основными ценностями являлись Бог и Император. Причем Бог на государственном уровне воспринимался не в качестве некоей универсальной «общечеловеческой» ценности, а сугубо в русском православном контексте, определяемом на государственном уровне, поскольку Русское Православие являлось государственной религией, а Русская Православная Церковь была включена в государственный аппарат. Отсюда и слова «Молитвы русских», положенной в основу государственного гимна имперской России: «Боже,

Царя храни! ...Царь православный! ...Перводержавную Русь православную, Боже, храни!» [29].

Советские конституции, как уже отмечалось, оперировали понятиями «граждане» и «трудящиеся». В частности, Конституция РСФСР 1918 года, будучи дискриминационной по отношению к «бывшим эксплуататорам», «нетрудовым элементам» и «прислужникам свергнутого режима», вместе с тем: «Исходя из солидарности трудящихся всех наций..., предоставляла все политические права российских граждан иностранцам, проживающим на территории Российской Республики» (ст. 20). Тем самым осуществлялась конституционная легализация государственного девиза: «Пролетарии всех стран соединяйтесь».

Конституция СССР 1977 года, провозгласив в качестве «высшей цели Советского государства — построение бесклассового коммунистического общества» определила в качестве ценностных ориентиров советского народа «идеи научного коммунизма и революционные традиции, социально-экономические и политические завоевания социализма, преемственность принципов первой советской Конституции 1918 года, Конституции СССР 1924 года и Конституции СССР 1936 года».

Рассмотрение системы конституционных ценностей, сложившейся в Российской Федерации на постсоветском историческом этапе, предполагает разграничение двух президентских эпох: «ельцинской» и «путинской». Для первой характерна тенденция вестернизации, в рамках которой на конституционном уровне получили закрепление так называемые «общечеловеческие», а по сути западные либеральные ценности, основанные на принципах естественного права, в своем возникновении и функционировании независимого от механизмов позитивного правотворчества и принудительного правоприменения. В соответствующих источниках открыто говорится о том, что при разработке проекта принятого в 1993 году Основного закона, его авторы руководствовались в большей степени не отечественным конституционным опытом и советскими социалистическими правовыми традициями, а западными конституционно-правовыми концептами [30]. Широкую известность приобрела фраза Президента Б. Н. Ельцина: «Господи, благослови Америку» [31].

В свою очередь, с именем Президента В. В. Путина связывается представление о Российской Федерации как о едином государстве с тысячелетней историей (ст. 67.1 Конституции Российской Федерации) «самобытном

государстве-цивилизации..., сплотившем русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира» [32]. Заявленная цивилизационная самобытность России предполагает формирование собственно российской системы ценностей, отличной от «импортных» аналогов [33].

В Указе Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [34] определяется, что «к традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России». Включение в приведенный перечень достоинства наряду с правами человека и взаимным уважением актуализирует проблему понимания рассматриваемого феномена, который в соответствии со смысловым контекстом Указа не является видом естественного права и не тождественно взаимоуважению.

По мнению Н. С. Бондаря, достоинство в качестве аксиологической категории конституционализма включает достаточно высокий удельный вес неправового, неюридического нормативного потенциала (нравственно-этического, национально-конфессионального и т. п.) [35, с. 20]. Достоинство личности для Н. С. Бондаря является некой основой создания условий достижения человеком определенного социального статуса и приемлемого качества жизни [35, с. 20]. Таким образом, в понимании ученого — судьи Конституционного Суда Российской Федерации (в отставке) — достоинство личности в его современном конституционном прочтении следует воспринимать в традиционном «имперско-советском» понимании как статусного состояния, определенного социальным положением индивида, а также достижения им качественного жизненного уровня «нормального» для занимаемого статуса. Получается, что достоинство личности — это оценочный критерий, посредством которого определяется социальное положение (социальный статус) «достойного человека», живущего «нормально/достойно», для представителей соответствующей социальной группы.

Представляется, что именно таким пониманием руководствовалось государство (в лице соответствующих должностных лиц государственного аппарата), принимая Единые рекомендации по установлению на федеральном, региональном и местном уровнях систем оплаты труда работников государственных и муниципальных учреждений на 2024 год (утверждены решением Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений от 22 декабря 2023 года, протокол № 4 ПР), в рамках которых в статье 4 закреплены принципы формирования систем оплаты труда, один из которых сформулирован следующим образом: «обеспечение права каждого работника на своевременную и в полном размере выплату справедливой заработной платы, обеспечивающей *достойное человека существование* (курсив наш. — В. Б. Р. Р.) для него самого и его семьи» [36]. Думается, в данном нормативном установлении взят тот «минимум человеческого достоинства», который отражает в основном физиологические и биологические потребности людей, сводящиеся к обеспеченности продуктами питания и одеждой, однако не учитывающие многие иные факторы (жилищные, медицинские, образовательные, культурно-воспитательные и др.), характеризующие личность как носителя комплекса различных интересов, в которых биолого-физиологическое выживание, безусловно, не является исчерпывающим. Иными словами, в текущем законодательстве есть резон более четко разграничивать понятия «человек» как любой представитель человеческого сообщества и «личность» — индивид, наделенный определенными социальными качествами (признаками), в числе которых главенствующими являются разум, язык, коммуникабельность, достоинство.

Такое разграничение имеет значение не только для реализации права на достоинство, но и для его юридической защиты (в том числе уголовно-правовыми средствами). Авторы выражают солидарность с позицией Т. В. Кленовой, по мнению которой: «Понятия «честь», «достоинство», «репутация» являются сложными с этическим, социальным и правовым уровнями понимания. Явно они объединяются именно на правовом уровне — в значении естественного личного права, которое есть у человека независимо от недоброжелательных, тем более ложных оценок. Соответственно, для целей уголовного законодательства неразделимы самоуважение (достоинство) человека и его ожидания уважительного к себе отношения со

стороны других людей и государства (честь), в том числе в связи с его профессиональной деятельностью и социальными практиками (репутация)» [37–39]. Соглашаясь с Т. В. Кленовой по сути данных ею комментариев, вместе с тем полагаем возможным внести некоторые уточнения. Во-первых, честь и репутация, образующие в совокупности, к сожалению, ушедшую в прошлое юридическую конструкцию «добраго имени», являя собой составными элементами достоинства личности как системного образования. Во-вторых, все эти личные качества возникают у человека не с момента рождения, а в связи с формированием социально-правового статуса (положения в обществе и государстве) и потому не являются естественными правами в их изначальном смысле.

Патриотизм, как и антипатриотизм, предполагает отношение не к эфемерному достоинству человека вообще, а к истории становления, функционирования и перспектив развития достоинства личности россиянина. «Привязка» к этнологическому фактору проблемы достоинства личности вполне оправдана в условиях массивного разнопланового давления на «русский мир». Достоинство личности россиянина означает активное отстаивание (а не просто признание!) традиционных отечественных духовно-нравственных ценностей. Только такая позиция может в итоге создать преимущество в сфере реальной жизни, образования, воспитания, национальной культуры, политики. Считаем важным подчеркнуть: механизмы и технологии воспитания достойной личности, достоинства в личности — транснациональная проблема, которая до сих пор с надлежащей глубиной еще даже не поставлена.

В действующей Конституции Российской Федерации, как уже отмечалось, в сочетании с категорией «достоинство» используются термины «человек», «гражданин», «личность», «жизнь». Скорее всего, в процессе «конституционного проектирования» авторы не уделяли пристального внимания соотношению перечисленных понятий. А между ними имеется существенная разница. По нашему убеждению, сущность достоинства заключается в гармоничном сочетании понятий «самоуважение» и «взаимоуважение». Особенностью восприятия названных качеств в современных условиях является их формальная независимость от индивидуального социального статуса (положения). Закрепление в статье 2 Конституции Российской Федерации положения о человеке как «высшей» ценности безотносительно наличия

у него российского гражданства, а также места, занимаемого индивидом в системе социального структурирования и правовой оценки совершаемых им деяний (как правомерных, так и противоправных), означает, что каждый может и должен уважать себя просто за то, что является человеком. В то же время «каждый» заслуживает уважения со стороны других людей на этом же основании. Применение в Конституции России терминов «человек» и «каждый» в силу их абстрактно-обобщенного характера нуждается в ограничительном толковании. Не каждый человек может и умеет уважать себя и не каждый заслуживает уважения со стороны окружающих. Достоинство — это качество, которым человек может и должен обладать не любой представитель рода человеческого, а лишь тот, кто является сложившейся личностью, осознающей свою индивидуальную значимость для соответствующей социальной группы (семьи, друзей, трудового коллектива, государства). Соответственно, уважительное отношение к человеку «вообще» является производным от самоуважения, формирующегося в процессе становления личности и уважения к индивиду со стороны определенной социальной группы.

Достаточно часто можно услышать, что как личность человек формируется начиная с 3-летнего возраста [40]. Получается, что до 3-х лет человек личностью не является, а затем с ним происходит некая содержательная трансформация. Очевидно, что ничего подобного с индивидом не происходит, вернее происходит, но не одновременно. Процессы личной социализации носят долговременный характер и зависят от множества объективных и субъективных факторов. Человек не рождается личностью также, как не является изначально носителем разума и правосубъектности. Эти и другие социальные свойства формируются постепенно и в своем большинстве связаны с «социальной взрослостью» и юридической правосубъектностью. Первая позволяет относить к социальной группе «взрослых» индивидов, живущих по «взрослому», то есть обладающих реальной возможностью принимать «взрослые» решения и нести за эти решения «взрослую» ответственность, что касается юридической правосубъектности, то данное субъективное свойство определяет возможность лица выступать не только носителем потенциальной правовой возможности или обязанности, но и их применителем. Кстати, Русская Православная Церковь стоит на позиции: «В самом понятии достоинства неотъемлемо присутствует идея ответственности...

Признание достоинства личности означает утверждение ее нравственной ответственности» [41, с. 5, 6].

Следует также отметить, что конституционное определение «универсального» человека в качестве высшей ценности (ст. 2) вместе с тем сочетается с объявлением детей «важнейшим приоритетом» государственной политики (ст. 67). При этом государство возлагает на себя родительские обязанности по отношению к детям, оставшимся без попечения, тем самым, по сути, легализуя на конституционном уровне метафору «Родина-мать», с «неоплатным долгом» по отношению к ней. Кроме того, Конституция вводит в юридический оборот понятие «соотечественники, проживающие за рубежом», рассматривая их как всех носителей общероссийской культурной идентичности (ст. 69), безотносительно наличия действующего гражданства Российской Федерации и ее субъективного оценочного восприятия со стороны того или иного «соотечественника» [42].

Отмеченное терминологическое многообразие осложняет конкретизацию категории «достоинство личности» с последующим определением его в системе современных российских конституционных ценностей. С одной стороны, право личного достоинства в равной степени признается и защищается государством в отношении всех лиц, находящихся в пределах пространственной юрисдикции Российской Федерации, а также в отношении соотечественников за рубежом. Такой подход предполагает в первую очередь недопустимость любого уничижительного отношения к человеческой личности независимо от ее социального статуса. Однако закрепленное в Конституции России формальное равенство личных достоинств на практике не исключает их дифференциации. Реальный правоприменитель в своей деятельности руководствуется не абстрактными метафорами и политическими декларациями, а конкретными положениями приказов, инструкций, уставов, наставлений. Получается, что, с одной стороны, мы фиксируем конституционную ценность человеческой личности, обладающей неотъемлемым правом на достоинство, а с другой — в жизни и законодательстве фигурируют «ранее судимые», «иностранные агенты», «лица, внесенные в списки экстремистов и террористов», «представители ЛГБТ сообщества» и другие представители групп, чьи субъективные права, включая право на достоинство, подвергаются весьма существенным оправданным ограничениям. Не вызывает сомнений то, что

в любом государстве на любом историческом этапе общество, во-первых, не является однородным и структурируется на элиту, средний класс, социальные низы (англ. *Underworld*), по отношению к которым рассуждения о равенстве личных достоинств носят характер утопических деклараций о всеобщем человеческом равенстве. Получается, что применительно к системе современных российских конституционных ценностей достоинство личности продолжает оставаться категорией, имеющей субъективную цену, определяемую государством, которое при рассмотрении человека продолжает использовать некие стереотипы как позитивного, так и негативного плана. Отсюда следует, что в качестве конституционной ценности достоинство личности не является «бесценной» по своей социальной значимости категорией. «Цена» личного достоинства, а стало быть и его ценность, с одной стороны, определяется самой личностью, для которой самоуважение, являющееся основой достоинства, представляет естественное право, формирующееся в процессе личного становления и не зависящее от государства, а с другой стороны, устанавливается последним, относящимся к человеку как к «живой вещи» и оценивающему его с точки зрения государственной полезности, бесполезности, вредности, опасности.

Изменение ценностной парадигмы современного российского общества, в котором начиная с 2000 года на смену либеральным «западным» ценностям, базирующимся на эгоцентристской концепции естественных прав человека приходят традиционные духовно-нравственные ценности, определяемые в соответствии с заявленной государственной политикой «умеренного консерватизма» [43], предполагает в том числе уточнение места достоинства личности в системе конституционных ценностей. Представляется, что применительно к современным условиям рассматриваемый феномен следует воспринимать в неразрывной связи с социальным положением занимаемым индивидом, соответствующим образом, оцениваемым как со стороны социальной группы, членом которой он является, так и со стороны государства. На наш взгляд, нет ничего предосудительного в том, чтобы на официальном уровне закрепить подход, в рамках которого достоинство личности не сводится к самоуважению, основанному на себялюбии и приоритете собственного эго по отношению к общественным и государственным интересам. Подобный подход представляет ультралиберальную

концепцию, идущую вразрез с традиционными российскими ценностями, во все времена предполагавшими производный характер личного Я, по отношению к общему Мы. Сказанное не означает, что применительно к ценностному восприятию личного достоинства следует вернуться к советской и уж тем более имперской традиции. Это в принципе невозможно. Однако проблеме социального неравенства в его ценностном измерении в современном российском обществе надлежит уделить гораздо больше внимания.

В советском обществе отрицалось наличие организованной преступности, социальной конфликтности между представителями различных национальностей, коррупция в высших эшелонах советской и партийной власти. В немалой степени отсутствие четкой реалистичной позиции со стороны государства к обозначенным и многим другим вопросам обусловило системный кризис, определивший распад, «развал» СССР и разрушение мировой социалистической государственно-правовой системы.

В условиях постсоветского периода «стесняются» говорить о капиталистической экономической системе, основанной в том числе на принципе эксплуатации работодателями (эксплуататорами) наемных работников (эксплуатируемых).

По нашему мнению, в современной России следует отказаться от искусственной социальной однородности и ввести в политическое и правовое поле технологические схемы и принципы социальной дифференциации, связанные с различием личного достоинства, представителей социальных страт, сложившихся на постсоветском пространстве. Речь не идет о формальном закреплении привилегированных и «простых» слоев общества, хотя на практике отдельные высокопоставленные руководители позволяют себе высказываться в подобном ключе. Необходимо честно заявить о том, что однородное (единое) общество — это утопия. Государство во все времена и сегодняшнее российское государство в этом ракурсе не исключение, отстаивает и защищает интересы определенных электоральных групп и эти группы населения должны быть официально представлены для того, чтобы обеспечить пропорциональное представительство в структурах государственной и муниципальной власти, открытую и честную работу социальных лифтов, а также создать условия для общественного солидаризма, основанного не на романтических заявлениях о «глубинном русском народе»,

умение слышать и понимать который, «видеть его насквозь, на всю глубину и действовать соответственно — уникальное и главное достоинство государства Путина» [44], а на рациональных прагматических установках, опирающихся в своей реализации на формально-правовые технологии партнерского взаимодействия государственных структур и институтов гражданского общества, руководствующихся в организации и деятельности различными, однако не противоречащими друг другу интересами и в равной степени стремящихся к обеспечению социального мира и согласия. Дифференциация личных достоинств предполагает применение дискриминационных мер юридического характера по отношению к лицам, сознательно и добровольно избравшим для себя путь противопоставления российскому обществу и государству. В условиях, когда противостояние Российской Федерации с коллективным Западом приобрело характер «перманентной войны» [45], не имеет смысла констатировать единые для всех субъектов политико-правовых отношений «общечеловеческие ценности» и «равенство личных достоинств». Вполне логичным представляется ограничение посредством правоприменительной деятельности права личного достоинства в форме «поражения» в политических (прежде всего избирательных) правах в отношении российских граждан, признанных судом иностранными агентами, а также внесенных Росфинмониторингом в список террористов и экстремистов. Кроме того, нуждается в законодательном уточнении категория «соотечественник за рубежом», поскольку в современной редакции к числу зарубежных соотечественников, по формальным признакам могут быть отнесены в том числе лица, не скрывающие своего враждебного отношения к политическому курсу государственной власти Российской Федерации. Высказанные предложения не следует рассматривать в качестве «антидемократических». Любая демократия предполагает власть большинства над меньшинством. Позиция последнего заслуживает уважения тогда, когда имеет место ответственное уважение. В противном случае вступает в силу принцип симметричной ответственности, в соответствии с которым лица, выступающие против государственного порядка, должны осознавать, что и государство будет относиться к ним соответствующим образом, то есть последует легальная дискриминация достоинства его личности. Естественно, что применение дискриминационных мер должно осуществляться на законных основаниях

в рамках предусмотренных законом процедур и в любом случае носить временный характер.

В качестве обобщающих выводов можно предложить следующие тезисы.

Понимание достоинства личности как современной российской конституционной ценности следует осуществлять, основываясь на существенном отличии категорий «человек», «гражданин», «личность», которые соотносятся между собой как общее, частное, конкретное.

Достоинство личности — это комплексная категория, в качестве элементов которой выступают самоуважение и взаимное уважение. *Самоуважение* представляет естественное право, потенциально возникающее с момента рождения (правоспособность личного достоинства), однако приобретающее завершенное оформление (дееспособность личного достоинства) в процессе становления человека как личности. *Взаимное уважение* представляет собой нравственно-правовое состояние, в рамках которого личность уважает социальный порядок, сложившийся в социальной группе (семье, трудовом коллективе, стране, государстве), членом которой он является и пользуется ответным уважением, выраженным в определенных оценочных формах.

Рассмотрение государственно-правовой системы России как конструкции, развивающейся в рамках дискретной циклической истории, предполагает различные подходы к пониманию и оценке достоинства личности. Вместе с тем общим для всех циклов российской истории представляется утилитарное восприятие государством индивида, «цена» которого определялась степенью его пользы либо вреда (опасности) для государственного правопорядка. В зависимости от такой оценки устанавливалось и само достоинство и соответствующий ему уровень достойной жизни.

В условиях современной России представляется целесообразным отказ от либеральной парадигмы достоинства личности как универсальной «общечеловеческой ценности» и рассмотрение данной категории в контексте концепции «умеренного консерватизма». Основываясь на данной концепции, следует установить легальный (основанный как на материальных, так и на процессуальных нормах) правопорядок, ограничения достоинства личности в отношении лиц, признанных государством «недружественными». Естественно, что устанавливаемые правоограничения могут быть связаны только с уважением к личному достоинству со стороны государства. Что касается

самоуважения, то в качестве одной из легальных форм его реализации в условиях личных разногласий с государством является конституционное право на свободу изменения гражданства в соответствии с личным выбором.

Список источников

1. Баранов В. М. Достоинство сотрудника органов внутренних дел как особый объект судебной защиты: доктрина, практика, техника // Защита прав сотрудников органов внутренних дел: доктрина, практика, техника: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / под ред. Д. Н. Архипова, В. М. Баранова. Москва: Проспект, 2019. С. 40–63.
2. Баранов В. М., Ромашов Р. А. Достоинство (честь) человека в фокусе злоупотребления правом (доктрина, практика, техника) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 1 (49). С. 10–20.
3. Ромашов Р. А. Право на личное достоинство: конституционное закрепление и проблемы реализации в современной России // Проблемы защиты прав: история и современность: материалы XVII Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 20 октября 2022 года / отв. ред. И. С. Кокорин. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, 2023. С. 169–173.
4. Ромашов Р. А. Человек как субъект права на человеческое достоинство // Основные тенденции развития современного права: проблемы теории и практики: материалы VI Национальной научно-практической конференции, Казань, 25 февраля 2022 года. Казань: Университет управления «ТИСБИ», 2022. С. 190–194.
5. СССР и международное сотрудничество в области прав человека: документы и материалы. Москва: Междунар. отношения, 1989.
6. Кравец И. А. *Dignitatis Humanae*: философско-правовые, международные, конституционные и экзистенциальные аспекты // Государство и право. 2021. № 2. С. 26–39.
7. Кравец И. А. Достоинство личности: диалог теории, конституционных норм, международных регуляторов и социальной реальности // Журнал российского права. 2019. № 1. С. 111–128.
8. Корнев В. Н. Интегративная природа Конституции России // Российское правосудие. 2018. № 12. С. 5–15.
9. Цыбулевская О. И., Милушева Т. В. Свобода и достоинство личности: философский и правовой аспекты // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 2 (46). С. 55–60.
10. Никитина В. С. Неприкосновенность личности как межотраслевая категория права // Вестник

РУДН. Серия: Юридические науки. 2023. Т. 27. № 1. С. 41–53.

11. Горький А. М. На дне. URL: <https://ilibrary.ru/text/505/p.1/index.html> (дата обращения: 25.01.2024).

12. Верховный Совет СССР девятого созыва 1974–1979 годов. URL: <https://www.rusempire.ru/sssryvysshie-zakonodat-ov-rsfsr-sssr/deyatelnost-vysshikh-zakonodatelnye-organy-vlasti-v-rsfsr-i-sssr/499-verkhovnyj-sovet-sssr-devyatogo-sozyva-1974-1979-gg.html> (дата обращения: 25.01.2024).

13. Харитонов В. Мой адрес Советский Союз. URL: <https://stihi.ru/diary/lotosonnik/2010-04-25> (дата обращения: 25.01.2024).

14. Понизова Е. В. Лишение гражданства в советский период // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2013. № 6. С. 120–129.

15. «Трудная жизненная ситуация — обстоятельство или обстоятельства, которые ухудшают условия жизнедеятельности лиц... последствия которых они не могут преодолеть самостоятельно». О пробации в Российской Федерации: федеральный закон от 6 февраля 2023 года № 10-ФЗ (ч. 9 ст. 4) // Российская газета. 2023. 9 февраля.

16. Кодан С. В. Сословное законодательство в политике российской верховной власти (1800–1850-е гг.) // Юридические исследования. 2012. № 2. С. 117–145.

17. О фактическом отсутствии личного достоинства у подданных российских царей, эволюции самодержавия в России с неизменным «холопским» правовым состоянием населения см.: Сергеев С. М. Русское самовластие. Власть и ее границы: 1462–1917 гг. Москва: Яуза-каталог, 2023. 576 с.

18. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ulonakaz1845> (дата обращения: 23.01.2024).

19. «Неуважение к ребенку»: почему советские власти были против сказок Чуковского. URL: <https://www.gazeta.ru/culture/2022/03/31/14679001.shtml> (дата обращения: 23.01.2024).

20. Маяковский В. В. Сочинения: в 2-х т. Т. 1 / ред. кол. Г. П. Бердников и др.; вступ. ст. А. Метченко. Москва: Правда, 1987. 765 с.

21. Маяковский В. В. Избранное: стихи, поэмы; послесл. О. П. Смолы. Москва: Воениздат, 1985. 382 с.

22. Текст военной присяги ВС СССР 1947–1992 гг. URL: <https://proza.ru/2010/12/26/657> (дата обращения: 17.01.2024).

23. Шаферан И. Комсомольская песня. URL: <http://sovmusic.ru/text.php?fname=komstrad> (дата обращения: 19.01.2024).

24. Ошанин Л. Песня о тревожной молодости. URL: <https://poembook.ru/poem/14060-pesnya-o-trevozhnoj-molodosti> (дата обращения: 23.01.2024).

25. Максименко Г. По высокой траве. URL: <https://reproduktor.net/lyube/po-vysokoj-trave/> (дата обращения: 23.01.2024).

26. Екеева Э. В. Педагогика национального спасения, национальной гордости, национального достоинства, всеобщей мудрости, всеобщей гармонии, всеобщей любви // Сибирский педагогический журнал. 2007. № 14. С. 8–11.

27. Черновецкий В. Кого хотят женщины. Про реальные приоритеты полов в отношениях // Независимая газета. 2023. 26 декабря.

28. Медушевский А. Н. Конституционные проекты в России и их западные источники // Мир России. 1996. № 1. С. 154–194.

29. Жуковский В. Молитва русских. URL: <https://topwar.ru/232404-molitva-russkogo-naroda.html> (дата обращения: 20.01.2024).

30. Гольцблат А. Историческая правка: как принимали российскую Конституцию. URL: <https://lawfirm.ru/article/index.php?id=18959> (дата обращения: 25.01.2024).

31. «Господи, благослови Америку», или 20 минут позора Бориса Николаевича Ельцина. URL: https://dzen.ru/a/X_NyOLml33LK-Cm (дата обращения: 23.01.2024).

32. Концепция внешней политики РФ: утв. Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 года № 229.

33. Депутат призвала «импортозаместить» чуждые семейные ценности в России. URL: <https://ria.ru/20220401/tsennosti-1781310026.html> (дата обращения: 21.01.2024).

34. Собрание законодательства РФ. 2022. № 46. 14 ноября, ст. 7977.

35. Бондарь Н. С. Конституционная категория достоинства личности в ценностном измерении: теория и судебная практика // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 4. С. 19–31.

36. Российская газета. 2024. 17 января.

37. Кленова Т. В. Трудный путь института уголовной ответственности за посягательство на честь и достоинство личности, или проблемы целеполагания // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7. № 2. С. 48–56.

38. Смоляков Е. В. Уголовно-правовое противодействие преступлениям, посягающим на здоровье, честь и достоинство представителя власти: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2015. 24 с.

39. Авдеева Е. В. Уважение чести и достоинства личности в уголовном судопроизводстве // Российский судья. 2020. № 3. С. 31–34.

40. Меньшиков В. М. Человек. Личность. Становление и развитие личности человека // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2019. № 3 (51). Т. 1. URL: <file:///D:/Загрузки/chelovek-lichnost-stanovlenie-razvitiie-lichnosti-cheloveka.pdf> (дата обращения: 23.01.2024).

41. Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека. Приняты на пленарном заседании Архиерейского Собора

Русской Православной Церкви 26 июня 2008 года // Журнал Московской Патриархии. 2008. № 9.

42. О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом: федеральный закон от 24 мая 1999 года № 99-ФЗ (ред. от 23 июля 2013 года). URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=8&nd=102059861 (дата обращения: 20.01.2024).

43. Мислявская Г. Путин: Наш консерватизм — это консерватизм оптимистов. URL: <https://rg.ru/2021/10/21/putin-nash-konservatizm-eto-konservatizm-optimistov.html> (дата обращения: 21.01.2024).

44. Сурков В. Долгое государство Путина // Независимая газета. 2019. 11 февраля. URL: https://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html (дата обращения: 23.01.2024).

45. Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 года № 229 // Собрание законодательства РФ. 2023. №14. 3 апреля, ст. 2406.

References

1. Baranov V. M. Dignity of an employee of internal affairs bodies as a special object of judicial protection: doctrine, practice, technique. Protection of the rights of employees of internal affairs bodies: doctrine, practice, technique: materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation / ed. by D. N. Arkhipov, V. M. Baranov. Moscow: Prospekt Publ., 2019. Pp. 40–63. (In Russ.)

2. Baranov V. M., Romashov R. A. Dignity (honor) of a person in the focus of abuse of law (doctrine, practice, technique). *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 1 (49), pp. 10–20. (In Russ.)

3. Romashov R. A. The right to personal dignity: constitutional consolidation and problems of implementation in modern Russia. Problems of protection of rights: history and modernity: materials of the XVII International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, October 20, 2022 / editor-in-chief I. S. Kokorin. St. Petersburg: Leningrad State University named after A. S. Pushkin Publ., 2023. Pp. 169–173. (In Russ.)

4. Romashov R. A. Man as a subject of the right to human dignity. Main trends in the development of modern law: problems of theory and practice: materials of the VI National Scientific and Practical Conference, Kazan, February 25, 2022. Kazan: TISBI University of Management Publ., 2022. Pp. 190–194. (In Russ.)

5. The USSR and international cooperation in the field of human rights: Documents and materials. Moscow: Internat. Relations Publ., 1989. (In Russ.)

6. Kravets I. A. Dignitatis Humanae: philosophical and legal, international, constitutional and existential aspects. *State and Law*, 2021, no. 2, pp. 26–39. (In Russ.)

7. Kravets I. A. The dignity of the individual: a dialogue of theory, constitutional norms, international regu-

lators and social reality. *Journal of Russian Law*, 2019, no. 1, pp. 111–128. (In Russ.)

8. Kornev V. N. The integrative nature of the Constitution of Russia. *Russian justice*, 2018, no. 12, pp. 5–15. (In Russ.)

9. Tsybulevskaya O. I., Milusheva T. V. Freedom and dignity of the individual: philosophical and legal aspects. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, no. 2 (46), pp. 55–60. (In Russ.)

10. Nikitina V. S. Personal inviolability as an intersectoral category of law. *Bulletin of the RUDN. Series: Legal Sciences*, 2023, vol. 27, no. 1, pp. 41–53. (In Russ.)

11. Gorky A. M. At the bottom. URL: <https://ilibrary.ru/text/505/p.1/index.html> (accessed 25.01.2024). (In Russ.)

12. The Supreme Soviet of the USSR of the ninth convocation of 1974–1979. URL: <https://www.rusempire.ru/sss/vysshie-zakonodat-ov-rsfsr-sss/deyatelnost-vysshikh-zakonodatelnye-organy-vlasti-v-rsfsr-i-sss/499-verkhovnyj-sovet-sss-devyatogo-sozyva-1974-1979-gg.html> (accessed 25.01.2024). (In Russ.)

13. Kharitonov V. My address is the Soviet Union. URL: <https://stihi.ru/diary/lotosonnik/2010-04-25> (accessed 25.01.2024). (In Russ.)

14. Ponizova E. V. Deprivation of citizenship in the Soviet period. *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*, 2013, no. 6, pp. 120–129. (In Russ.)

15. A difficult life situation is a circumstance or circumstances that worsen the living conditions of persons... the consequences of which they cannot overcome on their own. On Probation in the Russian Federation: federal law no. 10-FZ of February 6, 2023 (Part 9 of Article 4). *Rossiyskaya Gazeta*, 2023, February 9th. (In Russ.)

16. Kodan S. V. Estate legislation in the politics of the Russian supreme power (1800–1850). *Legal studies*, 2012, no. 2, pp. 117–145. (In Russ.)

17. On the actual lack of personal dignity among the subjects of the Russian tsars, the evolution of autocracy in Russia with the constant “servile” legal state of the population, see: Sergeev S. M. Russian autocracy. Power and its borders: 1462–1917. Moscow: Yauza-catalog Publ., 2023. 576 p. (In Russ.)

18. The Code of Criminal and Correctional Punishments of 1845. URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ulonakaz1845> (accessed 23.01.2024). (In Russ.)

19. “Disrespect for the child”: why the Soviet authorities were against Chukovsky’s fairy tales. URL: <https://www.gazeta.ru/culture/2022/03/31/14679001.shtml> (accessed 23.01.2024). (In Russ.)

20. Mayakovsky V. V. Works: in 2 vols. Vol. 1 / ed. board G. P. Berdnikov et al.; introduction by V. A. Metchenko. Moscow: Pravda Publ., 1987. 765 p. (In Russ.)

21. Mayakovsky V. V. Favorites: poems, poems / afterword O. P. Smoly. Moscow: Voenizdat Publ., 1985. 382 p. (In Russ.)

22. The text of the military oath of the USSR Armed Forces 1947–1992. URL: <https://proza.ru/2010/12/26/657> (accessed 17.01.2024). (In Russ.)
23. Shaferan I. Komsomolskaya pesnya. URL: <http://sovmusic.ru/text.php?fname=komstrad> (accessed 19.01.2024). (In Russ.)
24. Oshanin L. The song of anxious youth. URL: <https://poembook.ru/poem/14060-pesnya-o-trevozhnoj-molodosti> (accessed 23.01.2024). (In Russ.)
25. Maximenko G. On the tall grass. URL: <https://reproduktor.net/lyube/po-vysokoj-trave> (accessed 23.01.2024). (In Russ.)
26. Ekeeva E. V. Pedagogy of national salvation, national pride, national dignity, universal wisdom, universal harmony, universal love. *Siberian Pedagogical Journal*, 2007, no. 14, pp. 8–11. (In Russ.)
27. Chernovetsky V. Whom women want. About the real priorities of the sexes in a relationship. *An independent newspaper*, 2023, December 26th. (In Russ.)
28. Medushevsky A. N. Constitutional projects in Russia and their Western sources. *Mir Rossii*, 1996, no. 1, pp. 154–194. (In Russ.)
29. Zhukovsky V. Prayer of the Russians. URL: <https://topwar.ru/232404-molitva-russkogo-naroda.html> (accessed 20.01.2024). (In Russ.)
30. Goltsblat A. Historical edit: how the Russian Constitution was adopted. URL: <https://lawfirm.ru/article/index.php?id=18959> (accessed 25.01.2024). (In Russ.)
31. “God bless America”, or 20 minutes of Boris Nikolaevich Yeltsin’s shame. URL: https://dzen.ru/a/X_NyOLmI33LK-Cm (accessed 23.01.2024). (In Russ.)
32. The concept of the foreign policy of the Russian Federation, approved by Decree of the President of the Russian Federation no. 229 of March 31, 2023. (In Russ.)
33. The deputy called for “import substitution” of alien family values in Russia. URL: <https://ria.ru/20220401/tsennosti-1781310026.html> (accessed 21.01.2024). (In Russ.)
34. *Collection of legislative acts of the RF*, 2022, no. 46, November 14th, art. 7977. (In Russ.)
35. Bondar N. S. The constitutional category of personal dignity in the value dimension: theory and judicial practice. *Constitutional and municipal law*, 2017, no. 4, pp. 19–31. (In Russ.)
36. *Rossiyskaya gazeta*, 2024, January 17th. (In Russ.)
37. Klenova T. V. The difficult path of the Institute of criminal responsibility for encroachments on the honor and dignity of the individual, or problems of goal-setting. *Legal Bulletin of the Samara University*, 2021, vol. 7, no. 2, pp. 48–56. (In Russ.)
38. Smolyakov E. V. Criminal law counteraction to crimes that infringe on the health, honor and dignity of a representative of the authorities. Author’s abstract... candidate of legal sciences. Krasnodar, 2015. 24 p. (In Russ.)
39. Avdeeva E. V. Respect for the honor and dignity of the individual in criminal proceedings. *Russian judge*, 2020, no. 3, pp. 31–34. (In Russ.)
40. Menshikov V. M. Man. Personality. Formation and development of the human personality. *Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University*, 2019, no. 3 (51), vol. 1. URL: <file:///D:/Downloads/chelovek-lichnost-stanovlenie-i-razvitie-lichnost-cheloveka.pdf> (accessed 23.01.2024). (In Russ.)
41. The fundamentals of the teaching of the Russian Orthodox Church on dignity, freedom and human rights. Adopted at the plenary session of the Bishops’ Council of the Russian Orthodox Church on June 26, 2008. *Journal of the Moscow Patriarchate*, 2008, no. 9. (In Russ.)
42. On the State Policy of the Russian Federation in relation to Compatriots abroad: federal law no. 99-FZ of 24 May, 1999 (as amended of July 23, 2013). URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=8&nd=102059861 (accessed 20.01.2024). (In Russ.)
43. Mislyavskaya G. Putin: Our conservatism is the conservatism of optimists. URL: <https://rg.ru/2021/10/21/putin-nash-konservatizm-eto-konservatizm-optimistov.html> (accessed 21.01.2024). (In Russ.)
44. Surkov V. Putin’s Long State. *An independent newspaper*, 2019, February 11. URL: https://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html (accessed 23.01.2024). (In Russ.)
45. On approval of the Concept of Foreign Policy of the Russian Federation: decree of the President of the Russian Federation of March 31, 2023 no. 229. *Collection of legislative acts of the RF*, 2023, no. 14, April 3, art. 2406. (In Russ.)

Информация об авторах

В. М. Баранов — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности, президент Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника»;

Р. А. Ромашов — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры теории и истории государства и права ФГАОУ ВО «Мурманский арктический университет», профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности НОУ ВПО «Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов».

Information about the authors

V. M. Baranov — Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Assistant to the Head of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia for innovative development of scientific activity, President of the Nizhny Novgorod Research Scientific and Applied Center “Legal Technology”;

R. A. Romashov — Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Murmansk Arctic University, Professor of the Department of Theory of Law and Law Enforcement of the St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions.

Статья поступила в редакцию 30.01.2024; одобрена после рецензирования 20.02.2024; принята к публикации 05.03.2024.

The article was submitted 30.01.2024; approved after reviewing 20.02.2024; accepted for publication 05.03.2024.